

А. Н. Саликов

**КАНТ И СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Проанализировано место политической философии Канта в теории международных отношений. Определено влияние кёнигсбергского мыслителя на основные современные парадигмы данной теории: реализм, идеализм, либерализм, институционализм. Сделан вывод о том, что включение Канта в ту или иную парадигму приводит к некорректной интерпретации его текстов и идей.

The main purpose of this article is to answer the question of the role of Kantian political philosophy for the theory of international relations. The answer is giving through the examination of the main trends in the interpretation of Kant's place in one of the major paradigms of the theory of international relations: realism, idealism, liberalism, and institutionalism. Author shows that Kant's inclusion in a particular paradigm of international relations cannot be directly done. Otherwise, inevitably it comes to distortion and incorrect interpretation of the texts and ideas of Kant.

Ключевые слова: Кант, философия международных отношений, реализм, идеализм, либерализм, теория демократического мира, институционализм.

Key words: Kant, philosophy of international relations, realism, idealism, liberalism, theory of democratic peace.

Трактат Канта «К вечному миру» уже давно стал классическим и основополагающим трудом политической философии. Немаловажную роль играют идеи Канта и для теории международных отношений: многие представители самых разных подходов и теоретических направлений рассматривают известного мыслителя в качестве своего предшественника или даже «духовного отца» [12, S. 19]. Это, естественно, не означает, что в основе всех четырех «больших теорий» современного учения о международных отношениях (реализм, идеализм, институционализм, либерализм) лежит кантовская концепция, однако ни одна из них не может оставить идеи вечного мира без внимания. Более того, не умолкают дебаты о месте кантовской системы мирового устройства в теории международных отношений, решается вопрос о том, к какому из этих направлений можно причислить выдающегося кёнигсбергца.

На этот счет существует множество мнений, которое немецкий специалист в области политической философии и теории Оливер Хидальго сводит к трем главным способам трактовки, где Кант встречается в теории международных отношений. Во-первых, это причисление Канта к тому или иному теоретическому направлению. Во-вторых, это интерпретация мыслителя в качестве идейного вдохновителя теории демократического мира (ТДМ), традиционно относящей-

ся к течению либерализма в философии международных отношений. В-третьих, Канту может приписываться пограничное положение между различными теориями, или же его учение выделяют в самостоятельную парадигму [12, S. 21 – 22].

Можно ли признать за одним из этих подходов правоту, отнести Канта к той или иной парадигме и вообще «вписать» его в теорию международных отношений? Рассмотрим пункт первый – включение философа в определенную парадигму (реализм, идеализм, либерализм и институционализм). Чаще всего его причисляют к представителям либо идеализма, либо либерализма. В последние время отдельные исследователи склонны сближать кантовскую позицию с позицией сравнительно нового учения о международных отношениях – институционализма. Для всех вышеперечисленных точек зрения имеются конкретные и далеко не беспочвенные основания.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что Канта нельзя назвать представителем реализма. Более того, его взгляды часто считают противоположными установкам реализма, безраздельно господствовавшим в теории международных отношений в период холодной войны. Показателен в данной связи пример Ульриха Менцеля, который в книге «Между идеализмом и реализмом. Учение о международных отношениях» [14, S. 17] однозначно характеризует Канта как представителя идеализма, приводя при этом сформулированную Джоном Херцем дилемму безопасности в качестве «классической противоположности» учению о вечном мире [12, S. 23]. Суть дилеммы безопасности заключается в неизбежной необходимости выбора модели отношений с другим государством на основе сотрудничества, соперничества или конфронтации [7, p. 1 – 18; 1; 6]. В рамках реалистической парадигмы дилемма не имеет решения, возможен лишь временный баланс сил, то есть то, что Кант называл «перемирьем» в отличие от настоящего стабильного мира – «вечного мира».

Ситуация, описываемая дилеммой безопасности, встречается в текстах философа, хотя он, само собой разумеется, не употреблял этого понятия. Вполне правомерно утверждение, что трактат «К вечному миру» оказался первой научной работой, в которой была поднята проблема, впоследствии получившая оформление в виде дилеммы. Так, в отдельных местах трактата, а также «Учения о праве» из «Метафизики нравов» Кант предлагает решение дилеммы безопасности, которое до настоящего времени не утратило актуальности. Ключевым условием достижения прочного мира и, таким образом, снятия дилеммы Кант считает установление всемирного гражданско-правового состояния: «Вот, следовательно, постулат, лежащий в основе всех следующих статей: все люди, которые имеют возможность влиять друг на друга, должны принадлежать к какому-либо гражданскому устройству» [3, с. 13]. Иными словами, регулятором международных отношений Кант видит право, следовательно, их оправдание является одним из инструментов достижения прочного мира и безопасности. В этой связи также должна возрастать роль международных организаций, которым отводится роль арбитра между странами, для того чтобы можно было урегулировать конфликт еще на стадии его зарождения.

Именно в подобном направлении происходит развитие международных процессов, и сегодня создание мирного союза народов (*foedus*

pacifist) [3, с. 21], полностью устранившего бы дилемму безопасности, не кажется такой уж несбыточной фантазией. Поэтому Канта, хотя и не в смысле принадлежности к парадигме реализма современной теории международных отношений, вполне можно считать реалистом, раз уж его идеи становятся реальностью или же вполне могут ею стать в недалеком будущем.

Нередко Канта называют выразителем идеализма. Зачастую это объясняется принадлежностью философа, для которого свойственно идеалистическое понимание политики, к эпохе Просвещения [12, S. 22]. Безусловно, воззрения Канта и положения политического идеализма имеют немало общих точек соприкосновения. Речь здесь в первую очередь идет о нормативном восприятии международной политики в парадигме политического реализма, то есть представители идеализма рассматривают международные отношения с позиции моральных ценностей и норм права. Кроме того (что также сближает мыслителя с парадигмой идеализма), большинство форм этого теоретического течения сочетается с космополитизмом, убеждением в том, что дела отдельного человека должны быть устроены в соответствии с общечеловеческими принципами, не только национальными. Общей для Канта и политических идеалистов является и идея прогресса, согласно которой мирное, организованное на основе правовых принципов мировое целое может быть достигнуто путем фундаментальной трансформации международной системы.

Однако в отличие от идеалистов Кант отчетливо осознает, что вечный мир — это своего рода регулятивная идея разума, задающая цель, к которой следует стремиться, но которая вряд ли достижима в реальной политической практике. Точно так же он не считал, как в это склонны верить многие представители идеализма, что одно лишь установление республиканской формы правления способно полностью устранить все причины войн и привести человечество к прочному миру на планете. Хотя для Канта республиканская форма правления выступает одним из факторов, уменьшающих вероятность возникновения вооруженных конфликтов между государствами, но лишь вступление государств в полноценные правовые отношения друг с другом может избавить планету от войн.

Идеи Канта, безусловно, близки и либерализму, что дает основание многим приверженцам последнего рассматривать знаменитого кёнигсбержца в качестве «идейного отца» своего течения или даже как «теоретика раннего либерализма», как это делает немецкий либеральный политический философ Эрнст-Отто Чемпиль [12, S. 26]. По мнению Чемпиля, рассуждение Канта о духе торговли «воспроизводит основной тезис классического либерализма» [8, S. 197]. Кроме того, полагает Чемпиль, содержание двух первых дефинитивных статей предвосхитило классические либеральные стратегии установления мира [8, S. 162, 117–120]. Другой видный представитель парадигмы либерализма (точнее, одной из его наиболее поздних по времени разновидностей — неолиберализма) Эндрю Моравчик считает, что в своей политической философии Кант поддерживал «многопричинный либерализм» [12, S. 26], хотя и довольно скептически оценивал миротворческий потенциал международных ин-

ституты, ориентируясь в большей степени на развитие социальных предпочтений [15, р. 546]. Относит Канта к парадигме либерализма и автор книги «Международные отношения» Джошуа С. Голдстейн, концентрируясь при этом исключительно на условиях сотрудничества между государствами [12, S. 26]. Как пишет Голдстейн, для Канта «международное сотрудничество... является более рациональной альтернативой для государств, чем война» [10, р. 111].

Кантовские воззрения во многом созвучны с положениями институционализма, сравнительно молодого течения в теории международных отношений. Под институционализмом в ней понимается совокупность гетерогенных концепций, в центре научного рассмотрения которых располагаются вопросы об оформлении международных отношений при помощи законов, прав и обязанностей с соблюдением взаимной выгоды сторон. Как полагают институционалисты, в условиях всё усложняющейся взаимозависимости государств друг от друга все субъекты международной системы заинтересованы в сотрудничестве и должны решать возникающие при этом проблемы посредством наднациональных институтов.

Таким образом, взгляды институционалистов на международные отношения во многом согласуются с кантовскими, поскольку они, как и Кант, считают достижение прочного мира возможным лишь путем постепенного оправдания общественных и международных взаимодействий. Это дает основание отдельным специалистам в области теории международных отношений говорить о генетической связи между учением о вечном мире и современной парадигмой институционализма. К примеру, Харальд Мюллер утверждает, что главная идея институционализма нашла отражение еще в 1795 г. в кантовской концепции мирного союза [16, S. 87]. Несмотря на очевидное сходство, позиция немецкого философа во многих аспектах оказывается более амбициозной и фундаментальной по сравнению с позицией институционалистов, поскольку предполагает создание глобальной федерации и более тесное взаимодействие государств в области международного права.

Особенно популярной в последние годы стала точка зрения, согласно которой Кант рассматривается в качестве идейного основателя теории демократического мира, одной из наиболее влиятельных разновидностей либерализма. Идеи вечного мира и в самом деле обнаруживают много общего с идеями либерализма в теории международных отношений: это и роль республиканского устройства, значение свободной торговли и рыночных отношений, участие граждан в управлении государством, разделение властей и многое другое. Однако, даже учитывая всю кажущуюся близость ТДМ с мыслями трактата «К вечному миру», вряд ли можно считать Канта основателем или же представителем этой либеральной теории. Во-первых, для него понятия «демократия» и «республика» не тождественны. Республиканское устройство, которое философ видит одним из важнейших условий достижения прочного мира [3, с. 14–15], далеко не идентично внутреннему устройству современных либеральных демократий [5]. Более того, текст Канта отчетливо свидетельствует о том, что его автор негативно отно-

сился к демократии (хотя и в ее определенном понимании): «...демократия в собственном смысле слова есть неизбежно деспотизм, так как она неизбежно устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают об одном и во всяком случае против одного (который, следовательно, не согласен), стало быть, решают все, которые тем не менее не все, — это противоречие общей воли с самой собой и со свободой» [3, с. 16–17].

Впрочем, если и допустить, что современные нам демократии соответствуют требованию философом республиканского устройства, это еще не гарантирует ни мир между этими республиками, ни их большее миролюбие по сравнению с государствами, которым присущи другие формы устройства. Кант, по крайней мере, нигде об этом не пишет. По его мнению, республиканское устройство не гарантирует, но «открывает перспективу» вечного мира, потому что «для решения вопроса: быть войне или нет? — требуется согласие граждан» и «они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру» [3, с. 15]. Кроме того, тезис о большем миролюбии демократий не проходит проверку опытом, потому что практика показывает: демократические страны воюют не реже автократий и монархий. Это, конечно, можно объяснить недостаточной «демократичностью» современных либеральных демократий или же некорректным истолкованием кантовского учения о вечном мире в ТДМ, как это делают отдельные представители реализма, усматривающие в ней своего рода идеологию гегемонии западных государств, направленную на оправдание попыток Запада силовым путем обеспечить распространение демократии на планете. Представители данной теории не принимают во внимание отмеченное Кантом обстоятельство — способность самых развитых и богатых цивилизаций, «преимущественно торговых государств» [3, с. 399], инициировать своим поведением конфликты [2, с. 57].

Кант и теория демократического мира расходятся и в понимании мирного союза государств. В то время как сторонники теории видят в мирном союзе своеобразный «клуб» демократических государств, которые объединены на основе общности ценностей и схожести государственного устройства, Кант не накладывает каких-либо ограничений на внутреннее устройство членов подобного союза. Более того, любые рамки, ограничивающие вступление в федерацию свободных государств, противоречили бы самой сути кантовского мирного проекта, предусматривающего постепенное укрепление правовых отношений и экономических связей между государствами, что оказывало бы позитивное влияние на деспотии и благодаря этому последние могли бы по своему внутреннему устройству постепенно сближаться с республиками. Не согласуется с философией Канта и тезис отдельных представителей ТДМ о склонности демократий к агрессивному поведению в отношениях с недемократиями. Этот тезис аргументируется тем, что демократии рассматривают государства с недемократическим устройством как потенциальную или реальную угрозу своему существованию и поэтому вправе принимать соответствующие превентивные меры, в

том числе и не всегда безупречные с моральной точки зрения «операции по принуждению к миру» или же «экспорт демократии». Согласно же Канту, применение насилия по отношению к другому государству и вмешательство в его дела совершенно недопустимы и не ведут к установлению прочного мира.

Некоторые авторы придерживаются того мнения, что знаменитый кёнигсбержец представляет собой самостоятельную «кантовскую парадигму» [13]. Пожалуй, первым об этом заявил Мартин Уайт, охарактеризовавший «революционистскую» линию в теории международных отношений (то есть линию, опирающуюся на моральные идеалы) как «кантовскую» [18, р. 7–24]. Тем самым Уайт отделял философа как от реалистов (Макиавелли, Гоббс, Гегель, Карр, Моргентау), так и рационалистов (Гроций, Локк, Бёрк, Рузвельт, Черчилль). Позже Хэдди Булл, основатель «английской школы» в теории международных отношений, модифицировал эти три конкурирующие друг с другом теоретические традиции в реализм, универсализм и интернационализм [12, S. 34]. При этом Кант, хотя и выступает у Булла в качестве отца-основателя универсалистской традиции (в «Идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»), в определенной степени отходит, по мнению последнего, от универсализма в своем трактате «К вечному миру», в котором выдвигает идею суррогатного союза республик [12, S. 34].

Отдельные авторы полагают, что Канта нельзя причислить к той или иной парадигме, но следует признать его родоначальником либерализма и идеализма либо же мыслителем, оказавшим значительное влияние на становление и развитие этих течений. В случае с идеализмом ссылаются, как правило, на морально-ценностную сторону политической философии Канта. К примеру, Франк Р. Пфетч в книге «Международная политика» заявляет, что оптимизм (течение, которое можно отнести к парадигме идеализма), восходит к «идеалистско-моралистической традиции Канта» [17, S. 20]. В контексте же либерализма речь обычно идет о влиянии кантовской идеи республиканизма, под ней подразумевают достижение мира посредством постепенной демократизации государств планеты. Так, Сюеву Гу указывает на роль кёнигсбергского философа в формировании либерализма и его современной формации — неолиберализма [11, S. 65].

В целом все приведенные подходы, несмотря на отдельные справедливые тезисы и утверждения, страдают одним и тем же недостатком: они выхватывают из политической философии Канта один или несколько определенных аспектов, чтобы включить мыслителя в ту или иную парадигму теории международных отношений или же для того, чтобы поместить тот или иной тезис в традицию, идущую от Канта. В результате неизбежны искажения и некорректные интерпретации его текстов и идей. Это справедливо и для подходов, приписывающих учению Канта некое промежуточное положение между «большими» парадигмами в теории международных отношений или же выделяющих его в отдельную парадигму.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00321а.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Дилеммы безопасности: американский вариант // Полис. 1993. №6.
2. Изгарская А.А. Факторы умиротворения человечества в современной либеральной парадигме «демократического мира»: критический анализ // Вестник НГУ. 2008. №1.
3. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 7.
4. Каранти Л. «Вечный» мир и мир «либеральный»: три пункта непонимания // Тезисы доклада на Международном исследовательском семинаре «Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики», Калининград, 20–22 апреля, 2012. URL: http://issuu.com/kant-online/docs/caranti_-_perpetual_peace_and_liberal_peace (дата обращения: 23.10.2013).
5. Кулагин В.М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный Pax democratica (Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития) // Полис. 2000. №1.
6. Тимофеев И.Н. Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. 2009. №4.
7. Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. N. Y., 2008.
8. Czempiel E.-O. Friedensstrategien. Eine systematische Darstellung aussenpolitischer Theorien von Machiavelli bis Madariaga. Opladen ; Wiesbaden, 1998.
9. Eberl O. Demokratie und Frieden. Kants Friedensschrift in den Kontroversen der Gegenwart. Baden-Baden, 2008.
10. Goldstein J. S. International Relations. N. Y., 2001.
11. Gu X. Theorien der internationalen Politik. Einführung. München ; Wien, 2000.
12. Hidalgo O. Kants Friedensschrift und der Theorienstreit in den internationalen Beziehungen. Wiesbaden, 2012.
13. Hurrell A. Kant and the Kantian Paradigm in International Relations // Review of International Studies. 1990. Vol. 16, №3. P. 183–205.
14. Menzel U. Zwischen Idealismus und Realismus. Die Lehre von den Internationalen Beziehungen. Frankfurt a/M., 2001.
15. Moravcsik A. Taking Preferences Seriously. A Liberal Theory of International Politics // International Organization. 1997. Vol. 51, №4.
16. Müller H. Institutionalismus und Regime // Internationale Politik im 21 Jahrhundert / hg. M. A. Ferdowsi. München, 2002.
17. Pfetich F. R. Internationale Politik. Stuttgart, 1994.
18. Wight M. International Theory. The Three Traditions. L., 1996.

Об авторе

Алексей Николаевич Саликов — канд. филос. наук, зам. директора Института Канта, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: salikov123@mail.ru

About the author

Dr Alexey Salikov, Ass. Prof., Deputy Director, Kant Institute, I. Kant Baltic Federal University.
E-mail: salikov123@mail.ru